

КОНЦЕПЦИЯ М.М. БАХТИНА И ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА*

© 2002 Т. Бодрова-Гоженмос

Париж, Франция

В рассмотренных нами трудах русских теоретиков перевода встречается большое количество ссылок на проблематику одноязычной коммуникации, в частности, в разделах, посвященных вопросам дефиниций текста и его смысла, отношения формы и содержания, механизма порождения и понимания высказываний. В этой связи нас заинтересовали работы величайшего русского мыслителя и известнейшего литературного критика М. М. Бахтина (1895-1975), преимущественно его труды по вопросам речевого общения и определения смысла текста как высказывания в рамках одноязычной коммуникации. Это написанные в разное время (1924-1974 годы) статьи, размышления, заметки, а также черновые наброски и планы отдельных глав фундаментального исследования, в котором автор стремился детально разработать новое научное направление, названное им *металингвистикой*. Наше знакомство с этими работами позволило сделать неожиданный вывод: идеи Бахтина и Интерпретативная теория перевода (здесь и далее в тексте ИТП) имеют удивительно много общего. ИТП начала разрабатываться с 1968 года известными французскими специалистами в области теории и практики перевода Даницей Селескович (1921 – 2001) и Марианной Ледерер. Созданная ими концепция изложена в серии статей и фундаментальных трудов [5, 6, 7, 8, 9], где особо подчеркивается исходная установка интерпретативного подхода – его ориентация не на систему языка, а исключительно на смысл текста

(высказывания) как объект теоретических исследований¹.

Интересно отметить, что аналогичные мысли о высказывании как единице речевого взаимодействия излагает в своих философско-лингвистических трудах и Бахтин, независимо от интерпретативной концепции и вне связи с ней.

Хотя автор в своих рассуждениях не затрагивает вопросов перевода, его наблюдения и выводы по проблематике текста как высказывания представляют несомненный переводоведческий интерес, который, к сожалению, остался незамеченным нашими коллегами – теоретиками перевода в России.

Особое значение для теории перевода имеют, с нашей точки зрения, те положения концепции Бахтина, которые касаются текста/высказывания, являющегося не материальным объектом, не вещью, а “выражением сознания” [3, 484]. В нашем анализе мы будем преимущественно пользоваться термином *высказывание* применительно как к письменному, так и к устному сообщению, объединяя им два термина *текст* и *высказывание*, которые встречаются в работах Бахтина.

Концепция текста как высказывания

* Данная статья представляет собой раздел 1 главы III “Communication verbale et sens selon Bakhine” докторской диссертации Т. Бодровой-Гоженмос [Bodrova-Gogenmos, 2001, p. 72-85]. Диссертация защищена по специальности “Теория перевода” в Высшей школе Переводчиков (Париж, ESIT), под руководством профессора М. Ледерер. Перевод публикуется с любезного согласия автора и под его редакцией.

¹ Согласно ИТП предметом перевода является не язык оригинала, а смысл устного или письменного высказывания (текста), представляющего собой единицу как одноязычной, так и двуязычной коммуникации – перевода. (*Примечание переводчика*). См. Bodrova-Gogenmos Т. “Процесс перевода с точки зрения ИТП” // Структурные проблемы перевода. – Вып. V. – Воронеж: ВГУ, 2002.

Любой объект знания (в том числе человек), - считает исследователь, - может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только *диалогическим* [2, 363].

Из этого определения вытекает огромное значение для гуманитарных наук высказывания (текста), диалогическая природа которого реализуется по Бахтину как в короткой (однословной) реплике бытового диалога, так и в объемном тексте, представляющем собой многотомный роман или научный трактат [3, 441].²

По мнению Бахтина, текст как высказывание есть “субъективное отражение объективного мира - выражение сознания, что-то отражающего” и, как таковой, текст является “исходной точкой всякой гуманитарной дисциплины” (Бахтин, 1986, 484).

В отличие от точных наук, представляющих собой монологическую форму знания: “интеллект созерцает вещь и высказывается о ней”, - гуманитарные науки, считает Бахтин, - это “науки о духе”, ориентированные на речь (“слово”). “Дух (и свой и чужой) не может быть дан как вещь (прямой объект естественных наук), а только в ... реализации в текстах” [3, 476]. “Гуманитарные науки – науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки (анатомия и физиология человека и др.)” [3, 477-478].

Итак, по Бахтину, именно текст как высказывание является “первичной данностью (реальностью)”, из которой только и могут исходить гуманитарные науки, поэтому

можно утверждать, что гуманитарные исследования направлены “на мысли о мыслях, на слова о словах, на тексты о текстах” [3, 473]. Специфика же гуманитарного мышления заключается в исследовании “диалога особого вида” между текстом анализируемым и текстом в становлении, между “высказыванием” существующим и “высказыванием”, создаваемым в ответ на первое. При этом каждый раз происходит как бы “встреча двух текстов – готового и создаваемого реагирующего текста, следовательно, встреча двух субъектов, двух авторов” [3, 477].

Учитывая, что наша мысль рождается и формируется в процессе взаимодействия и борьбы с чужими мыслями, любое высказывание (в том числе, и литературное произведение) наполнено так называемыми “диалогическими обертонами” [3, 464].

Таким образом, вновь и вновь подчеркивает М. Бахтин, текст как высказывание является отправным моментом любого исследования в гуманитарных науках: “каковы бы ни были цели исследования, исходным пунктом может быть только текст” [3, 474]. Многие дисциплины, среди которых ученый называет филологию и лингвистику, опираются, прежде всего, на тексты, рассматривают их с различных сторон, делая акцент на изучении истории, общества, литературы и т.д. В гуманитарных науках исследователь имеет дело исключительно с текстами: он изучает “конкретные формы текстов и конкретные условия жизни текстов, их взаимоотношения и взаимодействия” [3, 485].

Специфику текста как высказывания составляют две его стороны (“два полюса текста”) – система языка и “неповторимое событие текста”. Между этими двумя реальными и очевидными полюсами “располагаются все возможные гуманитарные дисциплины, исходящие из первичной данности текста” [3, 285]. Поэтому высказывание, согласно Бахтину, должно изучаться “в пограничных сферах”, на стыках и пересечениях лингвистики, филологии и литературоведения, а работа исследователя не может ограничиваться анализом в рамках только одной из этих дисциплин. Именно с этих позиций нужно разрабатывать “теорию текста” как высказывания, представляющего

² Согласно Бахтину «диалогические отношения – это отношения (смысловые) между всякими высказываниями в речевом общении» (Бахтин, 1986, 488). “Книга, т.е. *печатное речевое выступление*, также является элементом речевого общения... (которое) на что-то отвечает, что-то опровергает, что-то подтверждает, предвосхищает возможные ответы и опровержения, ищет поддержки и пр.” (Бахтин, 2000, 429-230).

собой в широком смысле “связный знаковый комплекс”, который можно сравнить с произведением искусства, с которым имеет дело искусствоведение - музыковедение, теория и история изобразительных искусств.

Согласно Бахтину чисто лингвистический анализ высказывания неэффективен, т.к. “текст не вещь, а поэтому второе сознание, сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать” [3, 477]. “Всякий текст имеет субъекта, автора (говорящего пишущего)”, даже если лингвистический анализ может в известных пределах и вовсе отвлечься от авторства [3, 474]. Бахтин понимает высказывание (речевое произведение) как “неповторимое, исторически единственное индивидуальное целое”. На вопрос о том, “может ли наука иметь дело с такими абсолютно неповторимыми индивидуальностями, как высказывания, не выходят ли они за границы обобщающего познания” он отвечает положительно, т.к. “во-первых, исходным пунктом каждой науки являются неповторимые единичности и на всем своем пути она остается связанной с ними. Во-вторых, наука, и прежде всего философия, может и должна изучать специфическую форму и функцию этой индивидуальности” [3, 479].

Решение этой проблемы Бахтин видит в качественно новом подходе: поскольку отправной точкой всякой гуманитарной дисциплины являются высказывания (тексты) как неповторимые единичности, их исследование может осуществляться только в рамках новой научной дисциплины – *металингвистики*, которую ученый планировал разработать.

Характеристики высказывания

В концепции Бахтина высказывание выступает реальной единицей речевого общения. Высказывания могут иметь разный объем, но характеризующие их “существенные конститутивные признаки” остаются неизменными. “Как ни различны высказывания по своему объему, по своему содержанию, по своему композиционному построению, они обладают как единицы речевого общения общими структурными особенностями, и прежде всего совершенно четкими границами” [3, 440]. Важнейшей

характеристикой высказывания является “смена речевых субъектов”: “Границы каждого конкретного высказывания как единицы речевого общения определяются сменой речевых субъектов, то есть сменой говорящих. Всякое высказывание – от короткой (однословной) реплики бытового диалога и до большого романа или научного трактата – имеет, так сказать, абсолютное начало и абсолютный конец: до его начала - высказывания других, после его окончания – ответные высказывания других (или хотя бы молчаливое активно ответное понимание другого, или, наконец, ответное действие, основанное на таком понимании)” [3, 441].

Смена речевых субъектов может принимать различные формы: от самой простой в обычном диалоге, где реплики собеседников сменяют друг друга, до самой сложной в письменных произведениях. “Сложные по своему построению и специализированные произведения различных научных и художественных жанров при всем их отличии от реплик диалога по своей природе являются такими же единицами речевого общения: они так же четко отграничены сменой речевых субъектов...” [3, 445] Они отличаются от произведений предшественников, на которые автор опирается, от других произведений того же направления, от произведений враждебных направлений, с которыми автор борется, и т.п. Но во всех этих случаях текст как высказывание имеет и автора и адресата, который может быть “дифференцированным коллективом специалистов какой-нибудь специальной области культурного общения, может быть более или менее дифференцированной публикой, народом, современниками, единомышленниками, противниками и врагами ...” [3, 466-467]. Таким образом, высказывание всегда “обрамлено и отграничено сменой речевых субъектов и оно непосредственно отражает внесловесную действительность (ситуацию)”. [3, 453].

Другой важнейшей характеристикой высказывания является его завершенность, т.е. “возможность ответить на него, точнее и шире – занять в отношении его ответную позицию”. Эта завершенная целостность высказывания, обеспечивающая возможность ответа (или ответного понимания),

определяется тремя моментами (или факторами), неразрывно связанными в органическом целом высказывания:

1) предметно-смысловой исчерпанностью;

2) речевым замыслом или речевой волей говорящего;

3) типическими композиционно-жанровыми формами завершения” [3, 446].

Речевой замысел говорящего – имеет большое значение для определения природы высказывания. Наличие авторского замысла и его осуществление рассматриваются Бахтиным как два момента, определяющие текст как высказывание. Замысел речевого субъекта (или автора) определяет “целое высказывания”, его объем, его границы, а также выбор языковых средств и “той жанровой формы, в которой будет строиться высказывание” [3, 447, 455].

С речевым замыслом неразрывно связан другой момент, определяющий завершенность высказывания – его предметно-смысловая исчерпанность. Сам по себе сюжет может быть неисчерпаемым, “но, становясь темой высказывания (например, научной работы), он получает относительную завершенность в определенных условиях. ... Мы представляем себе, что хочет сказать говорящий, и этим речевым замыслом, этой речевой волей (как мы ее понимаем) мы и измеряем завершенность высказывания” [3, 447].

Высказывание передает “субъективное эмоционально оценивающее отношение автора к предметно-смысловому содержанию высказывания”. Таким образом, по Бахтину, “замысел, представляющий собой субъективный момент высказывания, сочетается в неразрывное единство с объективной предметно-смысловой стороной его” [3, 447].

Любое высказывание имеет конкретный смысл, под которым исследователь понимает его содержание. Это главная особенность высказывания как единицы речевого общения, отличающая его от слов и предложений как единиц языка. Смысл интегрирует, с одной стороны, формальные языковые элементы (слова, без которых текст не может существовать), а с другой, – экстралингвистическую реальность (“конкретную реальную действительность”). Значения слов, ко-

торые составляют высказывания, считает Бахтин, актуализируются в реальных условиях речевого общения (“значения слов отнесены к определенной реальной действительности в определенных же реальных условиях речевого общения”) [3, 457].

Здесь небезынтересно отметить, что авторы ИТП также подчеркивают, что смысл высказывания возникает в результате синтеза актуализированных значений слов и экстралингвистических факторов (“когнитивных дополнений, релевантных для данного текста”) [8, 301].

Еще одним важным конститутивным признаком высказывания является, по мнению русского ученого, экспрессивная интонация, которая обозначается на письме пунктуацией. Слова и предложения, будучи единицами языка, лишены экспрессивной интонации. Если отдельное слово (предложение) произносится с экспрессивной интонацией, то это уже не языковая единица, а единица вербальной коммуникации, “законченное высказывание, выраженное одним словом” (предложением) [3, 456].

Другой характерный признак высказывания – обращенность к кому-либо или адресованность. Любое высказывание, считает Бахтин, имеет автора и адресата, поэтому в процессе коммуникации, строя свое высказывание, автор должен иметь в виду того, к кому он обращается, учитывать “его взгляды и убеждения, его предубеждения”, его осведомленность в ситуации, его знания предмета, о котором идет речь и т.д. [3, 467].

Язык как система, пишет в этой связи Бахтин, обладает громадным запасом чисто языковых средств для выражения формальной обращенности: лексическими средствами, морфологическими (...), синтаксическими. Но действительную обращенность они приобретают только в целом конкретного высказывания. ... Их может и вовсе не быть, а высказывание при этом может очень остро отражать влияние адресата и его предвосхищаемой ответной реакции [3, 471].

Язык и высказывание

Как уже отмечалось, Бахтин считает, что любое высказывание (текст) имеет два

“полюса” – язык, на котором оно составлено (“общепонятная, т.е. условная в пределах данного коллектива, система знаков”), и смысл. Высказывание невозможно построить без языка: “за каждым текстом стоит система языка”. Однако, “в тексте ей соответствует все повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста” (слова, синтагмы, предложения и т.п.). В то же самое время “каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). Это то в нем, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории. По отношению к этому моменту все повторимое и воспроизводимое оказывается материалом и средством“ [3, 475].

Эти мысли ученого несомненно близки утверждению ИТП, о том, что художественный текст (литературное произведение) всегда отражает жизненный опыт и жизненную позицию автора, систему моральных, универсальных, вневременных и эстетических ценностей, которые через тему или фабулу оказывают непосредственное влияние на читателей [10, 31].

Различие между текстом (дискурсом), с одной стороны, и языком, с другой, является ключевым для парижской школы переводоведения, основанной на ИТП, которая понимает текст как высказывание (то, что автор говорит или пишет для слушающего или читающего), а язык как материал, как коллективное средство общения [8, 123].

Язык, согласно ИТП, обладает значениями, являющимися результатом установившихся ассоциаций между знаками. Тексты же обладают смыслами, возникающими в результате случайных, нестойких ассоциаций между высказываниями и концептуальным содержанием. Эти ассоциации в подавляющем своем большинстве уникальны и неповторимы [8, 123].

Итак, согласно концепции Бахтина, смысл высказывания (в отличие от языковых значений составляющих его слов и предложений) становится ясным только в коммуникативной ситуации, ‘речевом общении (текстовой цепи) данной сферы’. “Всякое конкретное высказывание – звено в

цепи речевого общения определенной сферы” (Бахтин, 1986, 462). Оно связано не только с предшествующими, но и с последующими звеньями речевого общения. Когда высказывание создается говорящим, их, конечно еще нет. Но высказывание с самого начала строится с учетом возможных ответных реакций, ради которых оно, в сущности, и создается. Учитывая, что любое высказывание в какой бы форме оно ни выражалось, всегда имеет автора и адресата (т.е. обязательную диалогическую природу), оно содержит оценочное суждение (“оценивающее отношение говорящего к предмету своей речи”) и с этой точки зрения представляет собой не языковую единицу, а “смысловое целое” [3, 494].

Русский исследователь особо настаивает на различии, которое необходимо делать между языком, как системой повторяющихся знаков, и текстом, как высказыванием индивидуальным, единичным и неповторимым, необходимой составляющей которого является и его “внетекстовый контекст”. В связи с тем, что любое высказывание в его целом “оформлено как таковое внелингвистическими моментами (диалогическими)”, которые связывают его с другими высказываниями, лингвистическая составляющая текста выступает как вспомогательная, “инструментальная”. Кроме того, эти внелингвистические (диалогические) моменты “пронизывают высказывание и изнутри”. Таким образом, становится очевидным то, что “с точки зрения внелингвистических целей высказывания все лингвистическое – только средство” (Бахтин, 1986, 479).

“Лингвистические категории”, указывает Бахтин, “упорно тянут нас от высказывания и его конкретной структуры в абстрактную систему языка” [4, 442], в то время как автор любого высказывания (от самого простого – реплики, и до самого сложного – художественного текста) ставит себя вне языка как системы, который он употребляет только в качестве материала в процессе “словесного творчества”.

По отношению к реальным высказываниям и к реальным говорящим система языка носит чисто потенциальный характер: ведь “слова ничьи, и сами по себе они ничего не оценивают, но они могут обслужить

любого говорящего и самые различные и прямо противоположные оценки говорящих” [3, 455]. Главное отличие высказывания от единиц языка – слов и предложений – заключается в том, что “только высказывание имеет непосредственное отношение к действительности и к живому говорящему человеку (субъекту). ... Только высказывание может быть верным (или неверным), истинным, правдивым (ложным), прекрасным, справедливым и т.п.” [3, 493]. Эти “ценности высказываний определяются не их отношением к языку (как чисто лингвистической системе), а разными формами отношения к действительности, к говорящему субъекту и к другим (чужим) высказываниям (в частности, к тем, которые их оценивают как истинные, прекрасные и т.п.” [3, 494-495].

Вот почему понимание языка не тождественно пониманию смысла высказывания, а лингвистический анализ не применим к изучению текстов. “Системные или линейные отношения между знаками” могут изучаться лингвистикой, в то время как “отношения высказываний к реальной действительности, к реальному говорящему субъекту и к реальным другим высказываниям, ... никогда не могут стать предметом лингвистики”, - подчеркивает ученый [3, 495]

Когда высказывание берется для целей лингвистического анализа, “его диалогическая природа отмысливается, оно берется в системе языка (как ее реализация), а не в большом диалоге речевого общения” (Бахтин, 1986, 489). При лингвистическом подходе отношения между высказываниями деперсонифицированы [2, 343], что превращает их тем самым в обычные абстрактные элементы (знаки) внутри системы языка. Именно поэтому использование лингвистических методов анализа при изучении текста неэффективно. Однако, вынужден признать Бахтин, “нельзя запретить врачу работать над трупами на том основании, что он должен лечить не мертвых, а живых людей” [2, 343].

Не отрицая значимости языка для речевого общения, Бахтин утверждает, что оно не может быть объектом исследования только одной науки - лингвистики. Оно не может быть изучено и понято с помощью

исключительно лингвистических методов, поскольку предметом лингвистики является только материал, только средства речевого общения, а не само речевое общение, не высказывания по существу и не отношения между ними (диалогические), не формы речевого общения и не речевые жанры. Лингвистика изучает только отношения между элементами внутри системы языка, но не отношения между высказываниями и не отношения высказываний к действительности и к говорящему лицу (автору). Высказывание имеет диалогическую природу и это качественно отличает его от всех лингвистических категорий. Диалогические же отношения – “носят специфический характер: они не могут быть сведены ни к чисто логическим (...), ни к чисто лингвистическим (композиционно-синтаксическим)”, они “предполагают язык, но в системе языка их нет”. По мнению ученого они предопределяют “металингвистический характер высказывания” [3, 485].

Бахтин настаивает на необходимости различать высказывания (единицы речевого общения) и слова и предложения (единицы языка), которые могут и должны быть предметом лингвистического анализа. “Лингвист привык воспринимать все в едином замкнутом контексте (в системе языка или в лингвистически понятом тексте, не соотношенном диалогически с другим, ответным текстом), и как лингвист он, конечно, прав” [3, 491]. Однако текст как высказывание ни в коем случае не должен сводиться только к языковому материалу. “Конечно, лингвистический анализ найдет слова, предложения и проч.; физический анализ нашел бы бумагу, типографскую краску определенного химического состава или нашел бы звуковые волны в их физической определенности ...” [3, 66]. Но ведь речевое общение, основанное на обмене высказываниями, представляет собой непрерывный процесс “словесного творчества”, к которому неприменимы абстрактные категории языка как системы. Ученый приходит к чрезвычайно важному заключению о том, что лингвистическая наука ограничивается лишь изучением “данности” текста – языка, на котором он составлен (“повторимые и воспроизводимые” языковые единицы), то-

гда как высказывания постоянно “создаются” в процессе речевого общения (словесного творчества). Поэтому Бахтин считает например неприемлемым “научный” (лингвистический) анализ поэтического творчества: “Изучать в созданном данное (например, язык ...) гораздо легче, чем само созданное. Часто весь научный анализ сводится к раскрытию всего данного, уже наличного и готового до произведения (то, что художником преднайдено, а не создано). ... Готов предмет, готовы языковые средства для его изображения, готов сам художник, готово его мировоззрение. И вот с помощью готовых средств, в свете готового мировоззрения готовый поэт отражает готовый предмет. На самом же деле и предмет создается в процессе творчества, создается и сам поэт, и его мировоззрение, и средства выражения” [3, 491-492].

Для Бахтина главное отличие текста от языка заключается в том, что высказывание никогда не является только отражением или выражением чего-то вне его уже существующего, данного и готового. Оно всегда создает нечто до него никогда не бывшее, абсолютно новое и неповторимое, притом всегда имеющее отношение к ценности (к истине, к добру, красоте и т.п.).

Подводя итоги рассмотрения философско-лингвистической концепции Бахтина и ее взаимосвязи с ИТП, отметим следующее.

Предложенное русским ученым понятие текста как высказывания органично вписывается в интерпретативную концепцию перевода. Согласно теории Бахтина, высказыванием является любое как письменное сообщение (текст – литературный, деловой, научный и т.д.), так и устное (диалог, дискуссия и т.д.). В свою очередь, ИТП, считающая предметом перевода не язык, а высказывание как письменное, так и устное, применима для перевода текстов всех типов и жанров.

Бахтин рассматривает высказывание как коммуникативную единицу, отличную от единиц языка – слов и предложений. ИТП считает перевод коммуникативным актом, который осуществляется на уровне всего текста (высказывания), а не на уровне языка, т.е. значений составляющих его слов. В отличие от слов, характеризующихся значе-

нием, высказывание характеризуется смыслом, подчеркивает Бахтин. Аналогично ИТП считает *смысл* основной характеристикой как устного, так и письменного одноязычного высказывания (оригинала, подлежащего переводу), поэтому перевод текста заключается в передаче смысла, а не языковых значений его составных элементов.

Смысл высказывания в одноязычной коммуникации определяется, по Бахтину, как результат взаимодействия “входящих в его состав лингвистических форм” и невербальных элементов коммуникативной ситуации (“внесловесных моментов ситуации”). [4, 434]. Аналогично понимается смысл и в ИТП, рассматривающей его как результат взаимодействия значений, актуализированных в тексте, и когнитивных дополнений, релевантных для данного текста. Для Бахтина языковое значение – “в сущности, ничего не значит, а обладает лишь потенцией, возможностью значения” в составе смысла конкретного высказывания [4, 435-436]. Именно поэтому слова и предложения приобретают новые качества внутри каждого отдельного высказывания, входящего в состав непрерывной цепи речевого общения. Для ИТП смысл переводимого текста также не может сводиться к простой сумме языковых значений составляющих его слов.

По Бахтину, одноязычная коммуникация (“речевое взаимодействие”) – это процесс “словесного творчества”, в ходе которого создаются “индивидуальные, единственные и неповторимые” тексты-высказывания. Интерпретативная теория рассматривает процесс перевода как творческий процесс создания текстовых эквивалентов (единичных, нестандартных соответствий) на языке перевода. В аспекте одноязычной коммуникации Бахтин подчеркивает, что формальные элементы языка представляют собой языковой материал, “техническое” средство, необходимое, но недостаточное для творческого одноязычного акта коммуникации. В свою очередь, ИТП, применительно к двуязычному акту (переводу) предлагает в качестве необходимого этапа вычленения смысла высказывания, его девербализацию, т.е. отвлечение от вербальных форм исходного языка (языка оригинала). Бахтин, со своей стороны, подчеркивая

неразрывное единство формы и содержания художественного произведения, считает, что языковой “материал” (слова, фонемы, морфемы, предложения) не является составной частью его содержания (Бахтин, 1986, 67-68).

Бахтин особо отмечает значимость активного “диалогического” понимания одноязычного текста. В свою очередь, ИТП подчеркивает важность как установки на адресата, так и полнейшего учета коммуникативной ситуации в процессе перевода. Невозможно, указывает Бахтин, понять высказывание, без учета “внесловесных моментов ситуации”, так как акт понимания не сводится к “узнанию примененной формы”, к простой идентификации формальных элементов языка. (Бахтин, 2000, 404). В интерпретативной модели перевода наличие “когнитивных дополнений” (экстралингвистических знаний) также считается непременным условием понимания смысла текста в процессе нормального, а не “машинного” перевода.

Отмечая важнейшую роль экстралингвистических элементов в создании смысла текста, Бахтин ставит под сомнение эффективность чисто лингвистических методов при анализе высказывания. В свою очередь, ИТП решительно отвергает лингвистические теории перевода, предлагая интерпретативную концепцию переводческой деятельности, в которой надлежащее место отводится экстралингвистическим элементам, “текстовым когнитивным дополнениям”, как важнейшим компонентам смысла высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bodrova–Gogenmos T. La traductologie russe (théorie, pratique, enseignement): ses apports et ses limites. – Villeneuve d’Asq : Presses universitaires du Septentrion, 2001. – 519 p.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979, 424 с.
3. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986, 543 с.
4. Бахтин М.М. (Под маской). – М.: Лабиринт, 2000, 625 с.

5. Lederer M. La traduction simultanée. Fondements théoriques. – Paris: Minard, 1987. – 454 p.

6. Lederer M. La traduction aujourd’hui. – Paris. Hachette, 1994. – 224 p.

7. Seleskovitch D. Pour une théorie de la traduction inspirée par la pratique // META 25/4, Montréal, 1980, pp.401-408.

8. Seleskovitch D., Lederer M. Interpréter pour traduire, 3-e édition. – Paris: Didier Erudition, 1993. – 311 p.

9. Seleskovitch D., Lederer M. Pédagogie raisonnée de l’interprétation. – Paris: Didier Erudition, 1989. – 281 p.

10. Israël F. Traduction littéraire et théorie du sens // Lederer M. Etudes traductologiques, Paris: Minard, 1990.

*Перевод с французского
Н.А.Фененко*